

Вернувшись в мир магглов, Виктория сразу же почувствовала себя не в своей тарелке.

Дом Дурслей совсем не изменился за год ее отсутствия, но все же он никогда не казался ей таким чужим, как будто она была гостьей в своем собственном доме. Там все было так по-другому по сравнению с Хогвартсом. В замке было полно укромных уголков и закоулков, скрытых ниш и винтовых лестниц, но в маггловском мире все было более аккуратным и прямоугольным. Слабый электрический свет был бледной имитацией потрескивающего огня в гостинной Слизерина; фотографии на стене не двигались, и зеркало в ванной никогда не говорило; и вода в душе никогда не была достаточно мощной или нужной температуры.

Ее беспокоил не только дом. Казалось, каждый аспект жизни напоминал Виктории о том, чего ей не хватает. Было странно носить ее маггловские платья, теперь, когда она привыкла к мантиям, и она чувствовала себя неприятно незащищенной, разгуливая без палочки, засунутой в рукав или висящей на талии. Еда тоже была другой - стряпня тети Петунии никак не могла соответствовать стандартам, установленным Хогвартсом. Музыка по радио была ей незнакома, и просмотр телевизора больше не вызывал у нее такого интереса, как раньше. Как она могла считать «Синего Питера» интересным, когда она могла бы читать со Сьюзен о фараонах-колдунах Древнего Египта, или изучать новое заклинание, или играть в игры со слизеринскими девочками? Она даже приветствовала бы матч по квиддичу, хотя это было далеко не ее любимое развлечение.

Хуже всего было то, что сад больше не давал Виктории того убежища, которым когда-то это место было, хотя в прошлом это было ее самое любимое место во всем мире. Он просто казался таким маленьким и искусственным после года, проведенного в Хогвартсе, где оранжереи были до отказа забиты экзотическими растениями, и где чуть ли не каждое окно выходило на великолепную долину Хогсмид, бесконечный Запретный лес или просторы Черного озера. Сад Дурслей по сравнению с ним казался безжизненным: ухоженная лужайка, ведущая к извилистым рядам аккуратно посаженных кустов и тщательно ухоженных клумб. Как и во всем остальном в мире магглов, там не было ничего дикого, ничего по-настоящему живого.

Она знала, что это глупо, но Виктория испытала огромное чувство потери, когда впервые вернулась туда. В своем воображении она помнила его как идиллическую гавань, запутанный мир жизни и чудес. Это было довольно грубое пробуждение, увидеть его таким, каким он был: абсолютно обычный маггловский сад.

Поэтому она решила что-то с этим сделать. Мало-помалу, по мере того как шло лето, она начала использовать то, чему научилась на травологии, чтобы вдохнуть новую жизнь в сад. Она топала по земле в нужном ритме, чтобы вызвать червей; она начертала простые руны на камнях, чтобы привлечь пчел, божьих коровок и бабочек; а в полнолуние она окропляла почву молоком, даруя ей большее плодородие. Одних этих изменений было достаточно, чтобы привести сад в движение: растения росли с беспрецедентной скоростью - быстрее, чем мог сдержать садовник, - но она на этом не остановилась.

По ее мнению, сад все еще был слишком нормальным. Поэтому она взяла черенки лаванды и окрасила розы в такой же цвет; она использовала серебро в своем серпе, чтобы очистить воду в пруду, сделав ее кристально чистой и сверкающей на солнце, ее чистота вскоре привлекла оживленную колонию лягушек; и она использовала мед, чтобы вызвать дополнительный аромат у жасмина, наполняя им весь сад.

Прямо под носом у тети Петунии сад расцвел под волшебным прикосновением Виктории, и вскоре ему позавидовал Литтл-Уингинг. По мере распространения слухов друзья Петунии стали приходить на послеобеденный чай с возрастающей регулярностью.

- Никогда раньше не видели роз такого цвета, - говорили они, - ярко-фиолетовые! Новая порода, не так ли?

- А этот жасмин! Как красиво!

Несмотря на то, что Виктория старалась делать все это втайне, Петунья, без сомнения, подозревала, что она делает что-то неестественное. В конце концов, розы не становятся ярко-фиолетовыми без причины. Однако она, казалось, довольствовалась тем, что притворялась невежественной, пока сад продолжал вызывать восхищенные комментарии членов садовой ассоциации Литтл-Уингинга.

Викторию так или иначе не волновали комплименты садовой ассоциации, но ей показалось любопытным, что ее травология не привлекла внимания Министерства Магии, несмотря на предупреждение, которое она получила в своем отчете за конец года. У нее росло подозрение, что определенная магия была слишком тонкой, чтобы Министерство могло ее обнаружить, и это подозрение подтвердилось, когда в момент безрассудства, вызванного скукой, она оживила одну из своих птиц оригами. После нескольких дней без наказания она решила, что безопасно использовать немного магии.

Она не осмеливалась что-либо сотворить своей палочкой - правильное заклинание наверняка вызвало бы гнев Министерства, - но по мере того, как шел июль, Виктория получала огромное удовольствие, экспериментируя с новыми способами извлечения своих сил. Она нашла старую скакалку и обнаружила, что при правильном ритме может задерживаться на вершине прыжка дольше, чем это было естественно. Она сообразила, что, хлопнув дверью своей спальни так сильно, как только могла (что бесконечно раздражало тетю Петунью), зафиксирует дверную ручку на месте, эффективно заперев ее. И совершенно случайно она узнала, что ругань на подгоревший кусочек тоста приведет к тому, что все подгоревшие кусочки отвалятся.

Хотя эти маленькие фокусы и не впечатляли по сравнению с тем, что она могла делать с помощью палочки, они помогли Виктории преодолеть чувство изоляции, немного соединив ее с волшебным миром, по которому она скучала. На самом деле она была так занята своими экспериментами, что совершенно забыла о своем приближающемся дне рождения в конце июля.

Ее дни рождения никогда не отмечались Дурслями, их просто неохотно признавали. В то время как Дадли получал большую гору красочно упакованных подарков, Виктория приходила на завтрак и обнаруживала один-единственный белый конверт, лежащий на ее тарелке.

- ...Завтра сто метров, - Виктория услышала обрывок речи дяди Вернона, когда она вошла в кухню, его скрывал экземпляр «Телеграфа». - Похоже, у нас с Кристи может появиться шанс.

- Прелестно, дорогой, - рассеянно сказала Петунья.

Виктория заняла свое место за столом, пока ее тетя сутилась, жарила бекон и возилась с их новой, очень дорогой кофеваркой. Дурсли очень гордились этим, будучи единственной семьей, которую они знали, у которой была такая машина. Им казалось, что это делает их более американскими.

- Конечно, этот парень Кристи на самом деле не британец, - продолжил Вернон. - Ямайский, я думаю, но мы возьмем то, что сможем, а? Что скажешь, Даддерс? Стоит посмотреть?

Виктория потянулась вперед за шоколадными шариками. - Дадли все еще в постели.

Дядя позволил верху своего журнала упасть вперед, открывая ему вид на Викторию. - А, это ты.

- Разумеется, посмотрим! - объявила тетя Петунья, передавая Вернону дымящуюся кружку кофе.

- Да, любимая. - он сделал глоток и скривился от горького вкуса. - Восхитительно, - солгал он, причмокивая губами, прежде, чем посмотреть на конверт перед Викторией. - Ну, чего ты ждешь? Тебе исполняется тринадцать только один раз, ты же знаешь! - она потянулась за конвертом, бормоча что-то себе под нос. - Что-что, девочка? - спросил Вернон, - Говори громче!

- Мне двенадцать, а не тринадцать.

- Большая жалость, - ответил дядя, искоса глядя на Петунью. - Еще один год прежде, чем ты сможешь съехать. А теперь займись этим! Мне скоро нужно идти на работу.

Виктория изобразила на лице улыбку и приготовилась к обычному разочарованию. Внутри конверта была карточка, а внутри карточки - одна десятифунтовая банкнота вместе со сложенным листом бумаги, содержащим плохо напечатанный список расходов. Дядя Вернон писал его каждый год, подробно описывая расходы на ее проживание и питание, прежде, чем щедро списать ее долг в качестве подарка на день рождения.

Если бы только он знал, что у нее под Лондоном лежит огромная куча золота... Но тогда, даже если бы он знал, она скорее поцеловала бы ноги Пэнси Паркинсон, чем заплатила дяде хоть один галеон волшебного золота.

- Ну? - произнесла Петунья, - Что ты скажешь своему дяде?

- Спасибо, - сказала Виктория, не желая рисковать тридцатиминутной лекцией о важности благодарности. А затем, поскольку она не могла удержаться, добавила, - Ты такой же щедрый, как гоблины.

Глаза Вернона сузились, без сомнения, подозревая сарказм, но он явно не желал вступать в спор, который мог включать слово «гоблин».

Тетя Петунья наконец села за стол с половинкой розового грейпфрута. - Юная леди, что мы говорили о плохих словах? - сказала она. - Давай не будем портить твой день рождения этой ерундой. А теперь, после завтрака, я подумала, что мы могли бы пройтись по магазинам одежды. Как тебе это нравится? Ты становишься немного великовата для некоторых своих старых платьев.

- Звучит заманчиво, - сказала Виктория. Хотя она никогда бы не потратила свои собственные деньги на маггловскую одежду, это правда, что ее платья начали становиться немного тесными, а юбки были на грани скандально коротких, когда она стала выше.

Дядя Вернон ушел на работу, и довольно скоро Петунья отвезла Викторию на Грейт-Уингинг-Хай-Стрит, где находилось несколько модных магазинов. Пока они искали место для парковки, Виктория снова была поражена странностью маггловского мира, состоящего из бетона, пластика и стекла. Это выглядело так, будто магглы были полны решимости уничтожить всякую связь с природой.